

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
БОРИСА
И ГЛЕБА

НИНА
ФИЛИППОВА

**КАК БЫ ЧЕЛОВЕК
НЕ БЫЛ СЧАСТЛИВ**

Интернациональный Союз писателей

Нина Александровна Филиппова
Как бы человек
не был счастлив
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44074965

Как бы человек не был счастлив: Интернациональный Союз писателей;

М.; 2019

ISBN 978-5-00153-098-5

Аннотация

У Вранья много ступеней, и самая высокая из них чувствует Путь и чувствует, что этот Путь ему не под силу. Из такого Вранья вырастает подлость, коварство, низость, но не какая-то занюханная, а самой высшей пробы. Бриллиант в своём роде. В любом благородном и просто искреннем порыве этот «бриллиант» увидит только узенькое, мелкое, тёмное... Характер обыкновенного искреннего простодушного человека для него недостижим и непостижим. И потому представляется ему угрозой. Ему невыносима высота цели, которую несёт в себе простодушный «познающий»...

Эта книжка о столкновении таких антиподов.

Содержание

Весна	9
Лето	31
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нина Филиппова
Как бы человек
не был счастлив

© Нина Филиппова 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Международный
фестиваль
Бориса и Глеба

* * *

Филипова Нина Александровна

Родилась и окончила школу на Камчатке.

После окончания Казахского политехнического института работала по специальности в Алма-Ате. Затем, после окончания Курсов организаторов кинопроизводства при Госкино КазССР, – на киностудии «Казахфильм» в должности замдиректора картины. После Высших курсов сценаристов и режиссёров при Госкино СССР в Москве – кинодраматург (мастерская Валерия Фрида).

До экрана дошли два полнометражных сценария: один – на студии Ролана Быкова в Москве, другой – в Алматы на коммерческой студии «Фортуна».

ИСТОЧНИК ЖАЖДЫ

Не всякий, длани кто простёр,
поймать сумеет долю злую.
Как бабочка – я на костёр
лечу
и огненность целую.

С. Есенин. «Цветы»

Весна

Полумрак комнаты охраняли чёрные шторы на окнах. От сквозняка тяжёлый бархат иногда лениво покачивался, и солнечный свет вливался между портьерами. Самад лежал на диване и, кажется, спал. Тихо открылась белая дверь, вошёл старший брат в костюме и при галстук. Он что-то искал, сначала осторожно, потом всё больше раздражаясь, расталкивая книги на полках, стуча дверцами шкафов, наконец он подошёл к столу и торопливо достал из-под блюда с ягодами свой научный труд по математике.

– Зачем тебе понадобилась моя диссертация? – Он пролистывал страницы и понемногу успокаивался. – Если всё время лежать, лежать, лежать... я не понимаю, зачем жить?

– Иди, брат, иди! – приподнял голову Самад, – труд сделал из обезьяны человека. Может, и тебе повезёт.

– А ты уже и такую надежду потерял? – ухмыльнулся брат, поправляя галстук.

– Моей перспективы в маргышкиных надеждах нет.

– Приятных сновидений, – пожелал брат и вышел.

Самад вздохнул, встал и отодвинул портьеру. Солнце ослепило его. День был в разгаре. Внизу под окнами раскинулась рыночная площадь – людской водоворот, разноцветный, шумный. Самад помахал обеими руками белокурой девушке внизу, но она не заметила его. Он опустил штору, и из

полутьмы комнаты к нему приблизились чёрные глаза матери:

– Сын, – Губы её брезгливо искривились, – какие у тебя планы с этой... – она показала за окно, – Белобрысой?

Самад покраснел и выпалил:

– Я люблю её, мы поженимся.

– Она русская! – Рассмеялась мать и задумалась. – Это ужасно. Тогда ты мне не сын.

Самад остановился перед зеркалом, изучая своё припухшее и снова побледневшее лицо:

– М... М...

– Ты ведь ни одного экзамена в жизни не сдал! – Высокие брови матери поднялись. – И только благодаря мне заканчиваешь университет!

– Напиши приказ об отчислении – ты проректор.

– Я просто не понимаю тебя! У тебя есть нормальная невеста! Послушная, красивая девочка, дочка премьера! А это и перспектива, и дом, и надёжность!..

– Мама, мне ведь, в сущности, ничего не надо. Не надо мне ни жены, ни дома, ни перспективы твоей, ни мамы, ни папы! Мне всегда надо было другое.

– Что же это тебе надо было? – холодно улыбнулась мать, и он медленно оглянулся на неё, направляясь к выходу:

– Это то, где другой дом и другая перспектива, и другая жена...

Она вцепилась сыну в руку, уловив в глазах его какую-то странную неподвижность. Её пальцы, удерживающие его, побелели:

– Что это? Что ты выдумал?!

Он хотел сделать что-нибудь ненавистное, но лишь выговорил тихо:

– Это любовь.

Она с ожиданием смотрела ему в глаза.

– Это любовь, мама, – повторил он, и дверь закрылась за ним.

Мать отвела штору, увидела, как Самад подошёл к своей белокурой подруге, как они сели в машину с надписью «Киносъёмочная», и усмехнулась.

На выезде из города навстречу «Киносъёмочной» выбежал крупный человек в расстёгнутой рубашке и босиком. Водитель кивнул в его сторону:

– Это а-Моисей, администратор. А-заберём?

Моисей сел к ним в машину, погладил себя по голому животу и обратился к водителю:

– Васька, дай сандалии. Я твою пиротехнику перевернул. Сегодня снимем без дыма.

Водитель протянул ему обувь. Была жара. В окне мелькали тополя, между ними мигало небо. Моисей надел сандалии и, подняв свой томный взор, с такой страстью скользнул по телу белокурой подруги Самада, что ту бросило в жар.

– Авва Отче! – обалдел Моисей. – Откуда такое?!

Его восклицание повисло в воздухе, и он спросил у водителя:

– Неужели из ребра? – Он повернулся к Самаду, но тот уставился в окно.

Машина остановилась у ворот особняка, за которым заснеженные горные вершины вырастали из светлой зелени предгорий. Водитель Вася показал Самаду на артиста, который стоял на самом солнцепёке, и предложил:

– Вот он. Позвать?

– Нет. Я подожду.

Костюмерша застёгивала армейские ботсы на ногах артиста, ассистенты вешали на него бронежилет, автомат, гранаты, ножи, пистолеты...

– Ручного истребителя у меня нет, а здесь за-азатвор а-задает, – сказал Вася и вручил артисту последнюю винтовку. Артист натянул на лицо чёрную маску и отчеканил, дыша в лоб режиссеру:

– Ванька-Встанька, серия «Встать-305».

– Раздевайся! – раненой птицей вскрикнул режиссёр. – Васька! Забери у него все пушки!

Через минуту, когда с артиста, как с ёлки, слетели все виды вооружения, режиссёр хлопнул его по голой груди: мышцы от шлепка напряглись бронзовыми узлами.

– Это то, что надо. Во-от! – Режиссёр показал на улыбку артиста. – Вот главное оружие! Теперь грим.

Когда суета улеглась, Самад окликнул:

– Ариф!

– Привет! – Артист заметно обрадовался и подошёл. – Чёрт! Ты бледен, как смерть. Не болеешь?

– Нет. Ничего. Астма, как и в детстве. – Самад привлёк к себе белокурую девушку. – Это Катерина.

– О! – не скрыл восхищения артист.

– Познакомься, – сказал ей Самад, – это мой друг. С детства. Теперь вот артист. А раньше он спасал меня от шпаны и от родителей.

– Вы в главной роли!.. – задохнулась от волнения Катерина.

Самад сорвал ей голубой цветок, но, выросший словно из-под земли, Моисей потянул Катерину за собой, сначала легонько, потом настойчивее и... когда они совсем затерялись в садовом цвете, артист спросил:

– Ты давно с ней?

– Второй год.

– Любишь её?

– Больше злюсь, что почти не владею собой, – Самад понюхал сорванный цветок.

Гримёрша усадила артиста под яблонькой и принялась рисовать ему тоны, тени, шрамы...

Самад, в ожидании его, расположился на траве и стянул с себя стильную майку. Несмотря на высокий рост, сложением он был как мальчик: гладкое смуглое тело без единого волоска и без единого мускула.

После съёмок он привёз артиста на свою обширную дачу. Уже на подходе было слышно, как гремела музыка. Прямо перед входом парочка любителей древности в звериных шкурах застыла в йоговских позах, далее возлежали молодые люди в оранжевых простынях. Тройка энтузиастов с перьями на бёдрах и просто пижоны курили анашу, изредка выплывали аскеты в семейных трусах и валенках на голых ногах...

Из дымной завесы возник Моисей:

– Вас зовут Самад? Шикарная дача! И музыка! Фа-ба-ду-да-пу-пу-пу... Джими Хендрикс, кажется? – Моисей бесцеремонно разглядывал Самада с головы до ног. – Чёрт! Эта блестящая змейка на вашей сорочке! Если бы не ваши глаза... я решил бы, что вы стилига... Кожаные штаны, – Моисей хлопнул Самада по бедру. – Такое обтекаемое тело...

– Давай! – не шелохнувшись, ответил Самад. – Налево! Кругом! Шагом марш!

Моисей вытянул руки по швам, развернулся на триста шестьдесят градусов и, маршируя на месте, взял за локоть подошедшую Катерину:

– Теперь я понимаю, почему эта барышня восхищается только вами, Самад! Я ревную, честное слово!

Катерина теребила руку Самада и заглядывала ему в глаза:

– Такое впечатление... слышишь, Самад? Такое впечатление, что мы знакомы так давно! Так давно знакомы с Моисеем! Слышишь? – спрашивала она, сжимая безжизненные

пальцы Самада. – Мы разведём костёр во дворе, приходи! Мы во дворе, приходи! Я буду ждать...

Самад давно смотрел поперёк их голов: там, на дальней стене, металась танцующая тень, в середине чей-то всклокоченный силуэт курил трубку. Его то и дело толкали другие силуэты, но он старался стоять спокойно. Обняв друг друга, Катерина и Моисей ушли... Самад подумал, что он уже видел их уходящих. Ещё задолго до того, как родился, он это видел и знал. Знал всё заранее. Он смотрел на танцующие тени и соображал: хочет он или боится приблизиться к тому, ОТКУДА он это знал?

– Моисей не выпустит Катерину, – услышал он голос артиста, – на киностудии почти все женщины – это его гарем.

– Зато как блестят её глаза! – отметил Самад.

– Хочешь, я отправлю его отсюда? – предложил актёр.

– Зачем? Раз ей так хочется. Пусть всё будет естественно, – Самад как будто просыпался от долгого сна.

– Для них это, может, и естественно, а для тебя?

– Не имеет значения.

– Да на тебе лица нет. Я же вижу.

– То, что ты видишь, тоже не имеет значения, – перебил Самад, давая понять, что разговор окончен.

К ним подошёл пиротехник Вася:

– Клёвое а-место! – Он покрутил задом в такт ритму и принялся. – Травка... А пожрать есть? Нету?.. Жаль. У нашего режиссёра столы а-ломаются, обмывают отъезд, тебя

требуют, – обратился он к артисту.

Все трое пошли к машине. Там спал усталый ассистент. Он расположился на «жмуриках» – тряпочных куклах человеческого размера, набитых соломой. «Жмурики» изображали висельников для трюковых сцен. Усевшись за руль, Вася нажал на сигнал:

– За-а-забыли Моисея забрать. Вот он бестия! Повезло арабам, что он не в Израиле.

– Да, – ухмыльнулся Самад, – и не надо его отвлекать. Поехали.

У режиссёра пир действительно стоял горой, когда в приоткрытой двери показалось растерянное лицо артиста, потом в дверном проеме возник он весь, трясущийся и какой-то обалдевший.

– О! Наконец! – раздались приветственные возгласы. – Проходи! Выпей!

Но артист мотал головой, переминался с ноги на ногу и молчал, пока все не обратили внимание на его взъерошенный и перепуганный вид. Наступила тишина.

– Что? – спросил режиссёр.

– М-моисей... – артист осёкся, руки его дрожали.

– Что! Что такое! Говори же! – крикнул режиссёр.

– Моисей в своем номере...

– Ну не тяни, господи! – Режиссёр подскочил к нему и потряхнул за плечи. – Опомнись, супермен хренов!

– Моисей в своём номере... до смерти затрахал бабу ка-

кую-то, – кое-как выговорил артист.

– Так и знал, – присел режиссёр, – так и знал, что этим всё кончится! Где? Покажи, где?

Вся толпа высыпала в коридор и направилась к номеру Моисея. В тишине на кого-то напала икота. На кровати лежало безжизненное тело, закрытое простынёй.

– Где он? – шептал режиссёр, – где он сам? Сбежал, пакостник! Я должен посмотреть, я обязан! – он осторожно приподнял простыню, приоткрыл голову и грудь жертвы и выпучил глаза. – Дак это ж мужик!

Кто-то охнул, кто-то захохотал. Режиссёр схватился за сердце: в постели под простынёй лежал «жмурик-висельник» с закатившимися глазами. Поднялся гвалт, смех и визг. Артист машинально поймал падающий стакан, и чья-то рука наполнила его вином. Вокруг закружились кружки, чашки, пиалки. Самые азартные танцевали с куклой-висельником аргентинское танго, выкрикивали тосты за здоровье Моисея и его «жертв»!

Артист пытался узреть среди толпы разгулявшихся киношников Самада. Но тот поначалу стоял в стороне ото всех, потом развернулся и пошёл, руки в брюки, по тёмной дороге. Артист догнал его, пошёл рядом, но кто-то позвал из темноты:

– Ариф!

Потом хор из нескольких голосов:

– А-риф!

– По тебе уже соскучились, – заметил Самад. – Возвращайся, шутник. Потом как-нибудь чайку попьём.

– Когда оно будет, это «потом»! – остановился артист. – Ну ладно, хотя бы передай привет отцу и матери.

Самад пошёл дальше: его дача, вернее, дача его родителей, была неподалёку: минут двадцать ходьбы. Когда он вернулся туда, во дворе ещё тлел костёр, повсюду были разбросаны увядшие цветы, перья, окурки, серпантин. Он вошёл в дом через ближайшее окно, хотел включить свет, но услышал страстные стоны, доносившиеся из соседней комнаты, возню, скрип кровати, бормотание. Самад узнал голос Моисея. Томные стоны он тоже узнал.

– Катерина! – Он сел на диван, потом лёг на бок, сложив руки на груди и сжав кулаки. Так, одетый как стилияга, он лежал, уставившись в стенку, слушая любовные причитания, звуки поцелуев и сопение. Казалось, тело его светится через одежду, как лампа через абажур. Потом послышались шаги и всхлипы из ванной. Плакала Катерина. Рыдала. Потом снова возня и ласковый басок Моисея. Слышно было, как оставшиеся на даче люди собирались перекусить, снова загремела музыка. От недосыпа глаза Самада были красные, и когда вошла Катерина и тихо позвала: «Пойдем...» – он сказал:

– Глаза режет.

– Ты давно пришёл?

– Да.

– Ну... – растерялась Катерина, – что?..

– Всё хорошо, – Самад не шевелился, и его удивил собственный голос, в котором не было ни капли волнения.

– Только не ври хоть мне! – вдруг крикнула она с отчаянием.

– Иди, пей чай. Пейте там чай. Меня тянет рвать. Иди.

Она ушла сквозь стены и закрытые двери его дачи, сквозь садовые деревья и высокий забор соседа, как привидение. Он так чувствовал и не смотрел ей вслед.

...Самад очнулся на полу опустевшей дачи от удушья, закашлялся, и из вскрытой вены снова полилась кровь. Он машинально разжевал и проглотил таблетку, чтобы унять кашель, и уставился на кровь вокруг себя:

– Бык! – почему-то сказал он и увидел своё бледное, всклокоченное отображение в зеркале. – Фу! – продохнул он, хотел встать, но комната плыла перед глазами, и земля уходила из-под ног, хотя кашель прекратился и кровь больше не лилась. Он на четвереньках подобрался к дивану, набрал по телефону 03:

– Скорая, – сказал он еле слышно, – здравствуйте, девушка. Алло! – изо всех сил крикнул он. – Я говорю, тут один псих скоро подохнет! Вскрыл вены! Приезжайте, может, откачаете. Вскрыл вены, говорю!.. Тут спрашивают, как тебя зовут, ублюдок? – обратился он к своему отражению в зеркале, – А?! Как зовут, спрашиваю? – потом устало ответил в трубку. – Не знаю, девушка, я... забыл его имя. Он молчит, говорю, а я забыл его имя...

Дипломы об окончании университетского курса вручал ректор. Среди аплодирующих преподавателей стояла мать, грустный отец был среди представителей власти. Брат хлопал в ладоши в кучке аспирантов и выпускников, уже получивших документы. После Самада диплом вручили Катерине, которая училась с ним в одной группе. Заметив, что Самад уходит, она догнала его почти у выхода из банкетного зала:

– Ты не останешься на банкет?

– Я сыт.

– А куда тебя распределили?

– На какой-то индустриальный флагман.

– А у меня свободный диплом.

– Поздравляю. Я пошёл.

– Самад, я так много должна сказать! Прости меня!

– За что, любимая?

– Это из-за меня ты... – она дипломом чиркнула по венам, как бритвой.

– Я никогда не был из-за тебя. А ты никогда не была из-за меня. Не грусти.

– Но ты не представляешь! – воскликнула она, – что ты для меня есть! Что ты для меня значишь!

Белый пузырьёк из жвачки на губах Самада рос-рос и лопнул:

– Ой! Извини. Я слышал, ты уезжаешь? Куда?

Катерина неопределённо махнула рукой.

– Я желаю тебе лёгкой дороги, – сказал он, уходя.

– И я тебе, – прошептала она ему в спину.

Спустя неделю к воротам крупного заводского комплекса катил чёрный лимузин, и на заднем сидении его, рядом с директором, сидел Самад. Он читал статью в газете под названием «Политика, геополитика, власть».

– Мне симпатична твоя сдержанность, – говорил директор. – Никогда не видел, чтобы ты много разговаривал.

– Что вы! – отложил газету Самад. – В детстве я был просто балаболкой.

– Сегодня ты возьмёшь полномочия зампреда. Должен сказать, что это – золотое дно. Но ты способный мальчик, и я думаю, тебя ждёт большое будущее.

– Спасибо.

– У твоего отца должность почти первая в республике, и мужик он неплохой, но... – директор надул щёки, изобразил «пшик».

– Если каждый день сидишь за золотым столом с алмазными винами, прохладный ветер в душе скоро становится ледяным, – В смиренном голосе Самада слышалась печаль.

Директор подозрительно покосился на него:

– Я слышал, ты поступал в институт какой-то международный, востоковедения, что ли... Помню, твои родители были очень против.

– Да, это было лет пять назад.

– Ну, это ничего страшного, что провалился...

– Я поступил тогда.

– Да?! – удивился директор. – А что же ты здесь?

– Я тогда приехал в столицу России, а со мной на курсе одни азиаты узкоглазые оказались, вот как мы с вами, – Самад пальцами растянул свои раскосые глаза ещё больше. Водитель, разинув рот, оглянулся на него.

– Смотри на дорогу! – рявкнул ему директор.

Машина вильнула и выровняла ход.

– Я думаю, вы меня понимаете, – продолжил Самад. – Какой смысл жить вне дома, но в том же окружении?

Машина остановилась.

– Ты и вправду балаболка, – пропыхтел директор, выходя из лимузина.

Они с Самадом поднялись на второй этаж административного здания.

– Извините! – Самад нырнул в туалет.

Директор, надув губы, проследовал дальше по коридору. Самад наклонился над умывальником, положил мокрые ладони на лицо, побулькал водой во рту, расстегнул верхние пуговицы рубашки, выйдя из туалета, подошёл к двери с эффектной табличкой «Председатель», хотел войти, но остановился, передумав. Снял свой галстук и подвесил его на золочёную ручку этой высокой двери. Потом выглянул в окно и крикнул, увидев, что директорский лимузин разворачивается во дворе:

– Подожди!

Шофёр поднял руку, давая знать, что слышит, и через несколько секунд Самад оказался рядом с ним:

– В горы. Быстро!

– Директор за почками послал? – благодушно спросил шофёр. Самад кивнул, и скоро они подъехали к хвойной роще.

– Рви, – сказал шофёр.

– Нет, поехали дальше, выше по дороге.

– Выше ещё холодно и почек нету, – недовольно подчинился шофёр. – Нас всё равно далеко не пустят. Говорят, опасность оползней.

– Пропустят. Говори: «Рубаев разрешил». Пропустят.

– Да не пропустят.

Их остановили на контрольном пункте:

– Куда?

– Выше. Рубаев разрешил, – ответил шофёр.

– Проезжайте.

Они поднимались по ущелью. С одной стороны дороги был обрыв, с другой – круто взмыли вверх каменистые склоны. Белые вершины впереди золотило солнце, кое-где синие стрелы голых скал вырывались из снежного покрова.

– Там нет ни одной ёлки! Я не понимаю, куда мы едем?

Самад посмотрел в боковое стекло, взгляд его упёрся в скалу. Шофёр поглядывал вниз, где глубоко на дне ущелья шумела речка. Их остановила спасательная служба:

– Стоп! Назад. Трёх альпинистов накрыло лавиной.

– Мы же не альпинисты, – усмехнулся шофёр, – и потом,

Рубаев разрешил, вам-то чё!..

Спасатель отвернулся, и они въехали в туман. Шофёр ещё больше сбавил ход, они ехали уже по грунтовой дороге, и облачко, покрывшее их, через несколько секунд растаяло под колёсами. Впереди на обочине стояла самоходка без пушки, от неё навстречу им решительно шагал мужик с камчой и в ватнике и ругался, судя по лицу, последними словами.

Наблюдая за его приближением, возник шофёр:

– Я не понимаю! Куда мы едем? Дальше только снег. Какие почки?!

– Какие почки? – в свою очередь удивился Самад.

– Ну а зачем едем-то? – раздражённо спросил шофёр. – И кто такой этот чёртов Рубаев?! – взорвался он.

– Это я. – Поклонился Самад.

Мужик в ватнике со свистом стеганул кнутом по их блестящей машине:

– Бар-раны! – ругался он, и самоходка, которая мирно тахтела на обочине, вдруг понеслась на них, набирая скорость. Растеряв недавнее величие, лимузин попятился назад.

– Ну ты меня наколол! – рассмеялся шофёр, когда они поехали вниз с прежней респектабельностью. – Я думал, начальник какой-то этот Рубаев! А зачем вверх-то пёрли?

– Да я всё думал, где выход.

– Сразу бы и сказал. Там дорога в тропу переходит, потом скала отвесная почти до дна ущелья. Я точно знаю, там дороги нет, – объяснил шофёр.

Когда снова показались пушистые ёлки, Самад сказал:

– Тормозни, я выйду. А ты, если хочешь, нарви директору шишек и передай от меня.

Он вернулся домой вечером и тихо открыл дверь. Шумели гости. Брат разговаривал с кем-то по-немецки. Самад прошёл в комнату и только сел на диван, как вошла мать:

– Где ты шлялся? – Она разглядывала себя в зеркало. – Вставай, выйди к гостям.

– Я устал.

– Устал! На работе ты не был. Дома палец о палец не ударил. Ждём тебя целый вечер...

Самад надел наушники. Ровный ритм ударных и истерическое соло Джими Хендрикса заставили его улыбнуться. Мать увидела это в зеркале:

– Ты не забыл случайно, – раздражённо заговорила она, – твой брат едет в Германию, читать курс лекций там в университете. Иди, поддержи его. В гостиной премьер-министр с семьёй...

Самад увеличил громкость и, закрыв глаза, затрясся под это сумасшедшее соло. Мать подошла, сдёрнула с него наушники и швырнула на пол. Самад перестал улыбаться, включил акустическую систему, и музыка заполнила весь дом. Вошёл отец, что-то спросил, но его совсем не было слышно, и он выдернул штепсель из розетки.

– Сын, – спросил он спокойно, – что случилось?

– Ничего, – ответил Самад.

– Ты выйдешь к гостям?

– Да, папа.

– Какой-то грязный весь! – Мать достала Самаду другую одежду. – Переоденься.

В зале, где за столом расположились гости, беззвучно работал телевизор. Самад раскланялся всем и сел рядом с братом, который оживлённо говорил с двумя немцами о прогрессиях и пределах.

– Слышал, слышал о твоих успехах на производстве! – обратился к Самаду сидящий напротив премьер и положил ладонь на плечо дочери. – Гаухар тоже заканчивает консерваторию, станет известной скрипачкой. Мы оба рады за тебя.

– Любишь музыку? – обратился Самад к девушке.

– Да.

– Сыграй нам, дочка, – попросил её премьер.

Девушка поднялась из-за стола, стройная и высокая. Густые волосы, слегка перехваченные лентой, доставали до пояса.

– Не обращайтесь внимания, – обратилась она ко всем, открывая футляр со скрипкой. – Я пока настрою.

– Вот твоя настоящая жена! – прошептала мать на ухо Самаду и поставила возле него блюдо с жареным мясом.

Гаухар заиграла нежную мелодию.

– Давай, сынок! За мою дочь, за твою будущую жену! – Премьер поднял бокал шампанского и выпил.

– У меня от шампани голова болит, налью компот, – Са-

мад потянулся было за графином, но сестра толкнула его в плечо, воскликнув:

– Смотри, братишка! Кого по телевизору показывают! Ну, смотри же! – теребила она его и включила звук. Все уставились в телевизор. Там на весь экран светилось лицо артиста. Журналист спрашивал у него:

– Ариф! Вы были чемпионом республики по дзюдо. Сейчас вы оставили спорт?

Но мать снова убрала звук.

– О! – оживился Самад. – Я забыл вам передать привет от него. Он недавно был здесь на съёмках, но не успел зайти.

– Какой красивый! – Не находила места сестра. – Настоящая кинозвезда! Мама, включи звук... Зубы такие ровные! Как жаль, что меня не было, когда он приезжал! Мама, включи звук!

В телевизоре синело море, стоял на рейде лайнер, на губах артиста блуждала улыбка.

– Кто бы мог подумать, – качала головой мать, глядя на экран, – что он всё ещё живой и на свободе!

– А что такое? – спросил премьер.

– Родная мать вот этого недоноска, – она постучала по онемевшему экрану, – в детдом сдала. Потому что отчим приличный был человек. Отец его вообще неизвестно кто! Бандит какой-то. Дожились, что этот головорез учит нас жить!

– Вся рвань устремилась теперь наверх, – премьер отвер-

нулся от телевизора. – Ну, – обратился он к Самаду, – когда свадьбу сыграем?

Через лоб Самада пролегла пухлая морщина:

– Знаете, я думаю, – он дотянулся до графина с компотом, – может быть, вам стоит найти более породистого жеребца, чем я? Дочка ваша – добрая племенная кобыла. Желających только свистните, отбою не будет.

У премьерера пропал голос, он чмокнул губами и встал. Самад, смущённо глядя ему в глаза, грохнул графином по экрану и согласился:

– Ладно. Дорогая! Я отдам тебе все фамильные сокровища! – Он пинком выбил стекло в серванте, взял хрустальный кубок. – Лей сюда вино! Вот это «Бычья кровь».

Гаухар сочувственно налила вино до краёв. Самад, слегка пригубив, запустил его по столу. Массивный кубок отплевался пурпурной влагой и опрокинулся. Вместо красной тряпки Самад сдёрнул со стола дорогую скатерть. Отец решительно направился к нему, но Самад, подобрав длинный кухонный нож и сделав выпад, как тореро, полоснул брата, который тоже хотел его остановить, и распорол тому пиджак.

– Не лезь – сказал он брату.

Отец, вдруг обессилев, опустился в кресло.

Самад разбивал шкафы и окна, вспарывал пуховые подушки, от ветра из окон пух кружился, и в комнате как будто шёл медленный снег:

– Наше ложе должно быть райским. Мы утонем в нём и

не захотим всплывать, – угрюмо говорил он и резал ковры на стенах.

– Позор! – кричала одна мать. – Остановите его! На помощь!

Повоевав с мебелью, Самад выдернул ремень из брюк, сорвал с себя сорочку и позвал невесту:

– Иди ко мне! – штаны сползли на пол. Перешагнув их, он воззвал снова:

– Иди же! Вот он я!

Женщины все, кроме матери, разбежались по комнатам.

– Скорая! – кричала в трубку мать. – Заберите! Умоляю! Буйный! Свинья неблагодарная!

Самад, разрезав ножом плавки и оставшись нагишом, пытался открыть захлопнувшуюся перед ним дверь в спальню:

– Где же ты, моя жалостливая невеста! – Он ударил пяткой в дверь. – Ты хотела быть моей женой или вторым Паганини?

– Сейчас приедут! – донёсся до него голос матери.

– А! – отметил Самад. – Тогда я пойду их встречу.

У выхода он включил свет и, шаря ладонью по зеркалу, спросил у своего отражения:

– Где тут должно болеть? – Он остановил ладонь слева на груди, прислушался. – Не слышу, чтобы оно стучало. Не трепыхается. Хол-лодное стекло! – Он ударил ножом в грудь своему отражению. И ушёл. Вслед ему кто-то ругался, кто-то рыдал, кто-то смотрел... По улице шла близорукая девушка. Она не заметила, что к ней приблизился голый человек.

Только когда Самад хотел коснуться лезвием её плеча, девушка бросилась бежать. Подъехала «скорая», из неё выкатились три санитары.

– Брось оружие! – крикнул один из них.

Самад пошёл им навстречу со словами:

– Я безоружен!

– Брось оружие! – снова крикнули ему, сохраняя дистанцию, и он с силой воткнул нож в землю.

Лето

В середине лета тенистые аллеи психиатрической клиники поражали обилием благоухающих цветов.

Когда родители приехали, чтобы досрочно забрать оттуда Самада, отец потерял дар речи: их сын еле передвигал ноги и пускал слюни, как последний идиот. В машине отец поминутно вытирал его мокрые, распухшие губы и сам, кажется, чуть не плакал. Подъехав к дому, родители хотели, поддерживая под руки, повести его в родной подъезд, но он не желал идти. Потеряв надежду сдвинуть сына с места, мать спросила:

– Чего ты хочешь? – И они с отцом отступили от него.

Самад, как истукан, повернулся спиной к ним и на негнущихся ногах поковылял к рынку. На ругань шофёров, на тормозящие и объезжающие его машины он не реагировал, в раскрытые ворота рынка не попал – врезался в чугунную решётку: слезились глаза, слёзы не вытекали, поэтому он плохо видел. Тело с трудом подчинялось ему. Наваливаясь на ограждение, он дошёл до ворот, прошаркал мимо нескольких торговцев и, вздохнув, с треском опустился на гору пустых ящиков.

...Сколько просидел он, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, Самад не знал. Солнце палило ему в затылок. Главное, он не мог закрыть рот. Язык распух, горло пересохло.

От попыток откашляться становилось только хуже. Горячий воздух иссушал его побелевшие губы. В рот ему залетела муха, потом вторая. Они ползали по языку и небу, жужжали и резвились, а он никак не мог выкурить их оттуда. Бессилие сводило его с ума.

Вдруг о зубы его что-то стукнуло, открытый рот наполнился водой, он проглотил, едва не захлебываясь и раз, и два, и три, ожидая, что этот источник иссякнет. Мальчик, который поил его из солдатской фляжки, сверкнув озорными глазами, вылил оставшуюся воду на его распалённую голову и убежал.

– Хорошо, – услышал Самад чей-то спокойный голос. Напротив него сидел человек с горбатым носом, чёрный от загара. – Хорошо, – снова произнёс человек, поняв, что Самад видит его. – Твои родители попросили приглядеть за тобой, сказали, что ты из дурятника. Шизик.

– Деньги заплатили, – Самад покосился на монеты у своих ног. – А это прохожие тебе накидали, – усмехнулся человек.

Вернулся мальчик с наполненной фляжкой. Из носа у него текла кровь и кровоточила вспухшая губа. Распугав стайку воробьёв, парнишка присел рядом, налил воду на ладошку и, запрокинув голову, стал смывать с лица кровь:

– Не повезло! Врага своего встретил, – ныл он, показывая на кого-то в толпе. – Вон, вон он! Индюк позорный! За людей прячется...

Человек, слушая его, посмеивался и, даже не взглянув, ку-

да показывал мальчик, спросил:

– Вон тот сморчок – твой враг?

– Почему ты смеёшься, Рахметулло! Он мне морду набил!

Наглый такой!

– Если этот воробей – твой смертельный враг, тогда кто ты сам?

– Тогда сам я – мошка, – недовольно признал мальчик, – или червяк. Но я этого не понимаю! – возмутился он.

– А пока сам не понимаешь, – ласково произнес Рахметулло, – меня слушай. Ищи врагов сильнее себя, сынок. Ищи непобедимых врагов.

Самад, сидевший всё это время, свесив голову и пуская слюни, показал в небо. Рахметулло тоже посмотрел туда. Над ними между небом и землёй дрожало мутное марево. Исподлобья глядя на взрослых, мальчик стёр под носом остатки крови.

Вернулась мать, положила ладонь на затылок Самада, от чего рот его открылся ещё больше, и надела ему панамку:

– Тебе напекло голову, сын.

Мальчик, бросив крошки хлеба воробьям, глянул на Самада и зашёлся от смеха. У матери от обиды побелели и задрожали губы. Она смерила презрительным взглядом двух базарных голодранцев и подхватила сына под руки, пытаясь приподнять:

– Сынок! Вставай, пойдём домой! – но Самад был тяжёл, как мешок с дробью, и от её усилий только голова его мота-

лась одуванчиком на стебельке шеи.

Улыбка Рахметулло затерялась в густой щетине:

– Пусть отдохнёт пока.

– Отвечаете за него! – приказала мать и ушла.

Мальчик поправил панамку у Самада и поднёс к его лицу зеркальце:

– Посмотри! – Он прыснул со смеху. – Посмотри на себя!

Но глаза Самада были закрыты. Рахметулло шлепнул мальчика по рукам, выбив зеркальце.

– Но он весь в соплях снова! – обиделся мальчик.

Голова Самада перекатилась назад. Рахметулло размотал шарф у себя на шее:

– Вытри ему губы, сынок.

Потом Самад лечился у известного знахаря, к которому привезли его родители и который жил далеко в степи. На просторном дворе открытого всем ветрам жилища горел костёр, дымилась печка, но лёгкий навес плохо защищал людей, жаждущих исцеления, от прямых лучей солнца. Везде шевелились серые тела перепуганных, загнанных недугами людей. Самад оказался в кольце тусклых, как блеклая листва, человеческих глаз. Временами ему казалось, что знахарь тоже косит глазом на эту мёртвую петлю. Лишь у одного чахоточного подростка глаза были чистым пламенем. И однажды, помешивая знахарское варево, Самад спросил:

– Что ты толчёшь?

– Сушёные медведки. Смешаю с малиновым вареньем, и

туберкулёз у нас в кармане.

Самад, как прилежный ученик, записывал всё, что делал знахарь, в толстую тетрадь:

– Медведки-и-и! – протянул он в тон голосу муэдзина. – Сам придумал?

– Нет. Китайцы пару тысяч лет назад.

Женщина с водой и веником принялась было убирать, но знахарь ругнулся на неё устало:

– Дуй отсюда!

– Мне совсем нечем платить. Я хотя бы уберу тут гной...

– Марш отсюда! И спать, – Знахарь забрал у неё веник и тряпки. – Твоя забота – своего ребёнка кормить. Тогда и приходи.

Женщина, готовая от благодарности целовать знахарю ноги, превратилась в дрожащий, угодливый комочек. Самад расколол арбуз кулаком:

– И не надоели тебе убогие?! – воскликнул он.

– Для меня убогих нет. Есть живые, которые страдают, как ты, например. – Знахарь вернулся костру. – А я могу облегчить эти страдания или избавить от них совсем. Ты, например, света белого не видел от адской головной боли, отёков, астмы, и вот теперь ты свободен от этого.

– Но свора-то громадная! – чмокнул арбузной мякотью Самад.

– При чём тут... – Знахарь поморщился от жара и дыма. – Посмотри, – Он взял в свои ладони руку очень худого муж-

чины. – Если бы ты знал, как это устроено! Что такое вообще человеческое тело!..

Повязка, закрывающая плечо больного, упала и обнажила зияющую гнойную рану. Знахарь торопливо прикрыл это чистой марлей, и Самад захлебнулся от смеха:

– Не пудри мозги, лекарь! Ты просто как собака зализываешь раны у себя и у своих несчастных сородичей! От такой работы на твоём языке мозоли, как на моих пятках! А свора громадная! Вон они! Давай! – кричал он, расплёвываясь арбузными зернышками. – Вот мои пятки, знахарь! Покажи свой язык! Хотя нет, – Самад поджал ноги, – я брезгую. Ты наглотался их гноя и воняешь.

– Ты взбесился! – пошёл на Самада знахарь.

– Фу! – Самад брезгливо бросил арбуз и выплюнул оставшиеся косточки лекарю в лицо. – И все шевелятся...

– Пошёл вон! – прошептал знахарь.

– У-тю-тю, – похрюкивая, Самад сложил тетрадь и майку в свой затрёпанный портфель и отвернулся от знахаря. Перед ним раскинулась беспредельная высохшая степь. Он уходил босой, размахивая портфелем и весело крича:

– Харе Рама, Харе Кришна-а!

Но бодрый шаг и песня радости сменились вскоре на монотонность дороги, жару и степь на все четыре стороны. Машин не было попутных, только одна колымага протарахтела навстречу. Самад отошёл на обочину, прилёг на колючую траву, положив портфель под голову. Увидев орла, парящего

над ним, свистнул ему и хлопнул ладонью по земле:

– Падай сюда, божественное творенье! Я тебя съем.

Пылил приближающийся грузовик и гремел железяками в кузове. Проголосовав, Самад забрался в кабину и, проехав немного, выглянул в окно. Орёл, изредка взмахивая крыльями, снова и снова зависал над ним.

– Или ему кажется, что я – падаль? – заподозрил Самад.

Шофёр протянул ему бутерброд и стаканчик чая. Самад тут же прикончил всю еду. Шофёр, еще ни разу не успевший откусить, покосился на грязную одежду и босые ноги пассажира, достал целую лепёшку хлеба и почти полкурицы:

– Возьми, я скоро дома буду.

– А мне сюда, – Самад показал свою цель на карте автодорог.

– Если пешком, то неделю топать придётся, – шофёр остановил машину перед поворотом и, заметив, что Самад складывает в портфель все полуобглоданные куриные кости, предложил, – Вот тапочки. Старые, конечно, но лучше, чем босиком.

Самад тоже положил их в портфель:

– Спасибо, спасибо, – раскланиваясь, он вышел из машины, – Ой, чуть не забыл! Если вдруг тебе что-то понадобится, – он вырвал лист из тетради и быстро записал, – вот адрес. Мои родители – бо-ольшие начальники. Правда, я очень давно не был у них.

– Ну да! – расхохотался шофёр. – о-очень большие на-

чальники! – Посмотрел вослед исхудавшему молодому человеку, прочитал адрес, передразнил, – «Факс, приёмная, секретарь...» Псих, что ли? – скомкал бумажку и выкинул в окно.

За время долгого пути Самад сделался серым, как дорожная пыль. Он шёл к роднику – крохотной струйке холодной воды, затерянной в степи, и, приближаясь, предвкушал, как разольётся от спины по плечам и затылку холодная вода, омоет его разгорячённую грудь, остановит бег гудящих, пульсирующих от напряжения ног... Но какой-то распаренный человек пулей вылетел из проходящей машины и подставил под воду свою бычью шею, фыркнул, засмеялся. Возделенные кристаллики полетели в разные стороны. Самад вдыхал горячий воздух и ждал, ждал, ждал! Жар распирал его и застилал глаза: вода иссякла, из родника струился горячий песок.

– Что? – Вдруг повернулся к нему распаренный человек и, не успев напиться, отошёл под натиском чёрного взгляда. Самад, удостоверившись, что это не песок, прильнул к воде и долго пил. Потом, ни на кого не оглядываясь, смыл с себя грязь.

Проплывая над бархатной зеленью вершин и покатых склонов, по тросу подвесной дороги вагончик спускался к морю. На одной из сопки внизу белел полукруг колонн. Оттуда доносились звуки трубы: кто-то отыграл гаммы и теперь

пытался вести мелодию, и, хотя иногда срывался, от призывных и печальных звуков одинокой трубы мороз бежал по коже, вызывая отчаянное желание удержатъ этот миг. Послышалось, что звуки рождены небом, но вагончик спускался, и стало тихо.

Ариф, сквозь ресницы глядя на солнце, сошёл на землю. Его забавляло, что глазам, привыкшим к яркому свету, на земле всё казалось тёмным и плохо различимым. Рыжее солнечное пятно стояло перед ним, невпопад перекрывая предметы и лица, загорелые тела, свободные одежды – курортная публика среди машин, мороженого и горячего кофе. Он споткнулся о попрошайку-подростка, который сидел на асфальте, поджав неестественно крохотные ножки и подставив стриженую голову милосердным лучам. Ариф машинально бросил подавание, но ему показалось, что все деньги у нищего разорваны на части. Он оглянулся, чтобы рассмотреть, так это или ему действительно показалось... Возвышаясь над калекой, какой-то парень дорывал те деньги, которые ещё были целы, и швырял их нищему в лицо.

– Иди своей дорогой, Азия! – ухмыльнувшись, посоветовал он Арифу, но неожиданно врезался в сжатый кулак и, по-солдатски вытянувшись, упал навзничь. Над ним остался стоять Ариф. Однако несколько крепких ребят уже окружали его сзади – их было хорошо видно в отражении стеклянных дверей. Наблюдая за их приближением, Ариф протяжно и глубоко вдохнул, а на кратком выдохе каким-то внеш-

не нелепым движением сбил с ног первого, напавшего сзади. Второй тоже замахнулся на него резиновой палкой, но Ариф, как подкошенный, упал ему в ноги раньше удара, и тот, торопливо резанув палкой воздух, свалился рядом. Ариф подмигнул калеке и заметил, что лицо нищего горит от восторга лихорадочным румянцем, слёзы высохли, щуплое тельце рвётся в бой, но бессильно удержаться на своих крохотных ножках. Скрючившись, как от боли, Ариф перекатился на тротуаре из стороны в сторону и со спины прыгнул в пояс третьему...

Под звуки милицейского свистка пиротехник Вася вышел из магазина «Кулинария» и увидел Арифа, понуро уходящего с поля драки. Вася поехал с открытой дверью, и как только Ариф ступил на подножку его машины, вырулил в самую гущу автомобильного потока.

– Перекуси, а-завитушки купил. Горячие, – предложил Вася и одну проглотил. – Ма-а-молодец! – подбодрил он.

– Видел?! – с надеждой воскликнул Ариф.

– Неа...

Ариф махнул на него рукой и уставился в окно.

– Да я, между прочим, знаю лучше тех, кто видел. Я же шулер, – оправдывался Вася, – ну, в пиковом случае увильну, конечно, с честной миной или сделаю вид, что а-пошутит. – Он свернул в узкий проулок и взглянул на Арифа. – У тебя так никогда не будет. Ты пойдёшь до конца. Вот так обязательно случится, что пойдёшь до конца. С тебя по жиз-

ни спрос другой. Не как с игрока, а как с воина. Мне при всём а-желании этого не осилить, – Вася приложил к щеке теплую завитушку. – Я на киностудию потому и пришёл. Париков, усов, штанов себе нарисовал...

– Да какой воин! – тускло возник Ариф. – Просто бабник обыкновенный, – Он откинулся на сидении и вздохнул. – Но это только с одной стороны...

– Ясное дело, что только с одной.

– Сильно много хочу, Васька!

– Например?

– Разрушения границ....

– Значит, твой удел – а-беспредел?

– Ты недослушал! Это в смысле знания! В смысле мудрости.

– А! А-заковыристая барышня твоя мудрость, если ради её небесного создания ты ломал кости этим ребятишкам! Нехорошо! Двое до сих пор пузыри пускают...

– Да, – ещё больше помрачнел Ариф, – я зарок себе дал: никогда не вступать в конфликт, даже если тысячу раз прав! Тем более не гробить живых людей. Васька, не поверишь! Я не оправдываюсь, но сегодня как стрела в темечко попала – это не я решал... Но больше никогда!

– Мент вот этот, голубоглазенький, тебя узнал. Не тот, который со свистком, а второй...

– Ничего, у него тоже за-а-затвор заедает, – передразнил Ариф.

Какой-то человек воскликнул, подходя к их машине:

– Я думал, вы не приедете! Тормозите здесь, – Он повёл киношников за собой, и вскоре Ариф попал в окружение приветствующих, танцующих, разговаривающих. На Ваську никто не обращал внимания, и он зашёл в ванну, наткнулся там на чью-то ссутулившуюся спину, увидел в зеркале, как пробежали по неподвижному лицу пальцы и оставили капли воды на бровях, ресницах и губах...

– Здравсь... – поприветствовал Вася.

– Извините, – сказал ссутулившийся молодой человек и вышел.

Вася тоже вымыл руки, пригладил чубчик и вернулся в комнату, где был народ. Хозяин таинственно говорил Ариффу:

– Я вам представлю молодого учёного. Хочу заметить, у этого парня великое будущее!

Смуглый человек из ванны в эковских ботинках и старом пиджаке оглянулся.

– Самад! – воскликнул Ариф и крепко обнял друга.

– А, вы знакомы... – разочаровался хозяин.

Но несмотря на жаркое объятие, Самад остался безучастным ко встрече и, сказав только: «Здравствуйте!» – отошёл подальше.

– Молодой учёный! – передразнил его Вася. – Чмо болотное с великим будущим. Ты посмотри! Это же земляк твой! Никогда бы не допёр, что это – бывший а-пижон! Дача у него

– сказка, век не забуду...

Ариф был заметно обескуражен такой холодной встречей.

– Вот вы – актёр, – тормошила и тормошила его одна из барышень. – Там у вас... Слышите меня? Там у вас в искусстве, говорят, такое безобразие творится! Слышите меня? Мелкая корысть, секс, близость к власти решают всё! Дичь какая-то!

– Ах, боже мой! – наконец, заметил её Ариф. – Я был пацан, и мне нравилась разная дичь. А в кино можно соблазнить миллионы людей, и они будут считать вас просто душкой! Понимаете? Ну ах! Да и только! Правда, наемни мне приснился страшный сон... На самых первых ступенях моего дворца все люди Земли падали ниц! Они признавали меня величайшим гением! К тому же красавцем, конечно. Они ждали от меня открытия, которое озарит самые тёмные души, ждали пророчества, за которым увидят Путь! И я... Я заливался холодным потом, потому что понял, наконец, кто я есть на самом деле! Вы не представляете! На самом деле я был ба-ра-бан! Пустой и громкий. И от собственного грохота пробуждение моё было внезапным и ужасным! Знаете, я и теперь неважно сплю. И вот с тех пор мой азарт покрасоваться буквально разбивается о стену, на которой выбито: «Не будь соблазном», – Ариф вздохнул и сел. – Хотя... ну почему бы нет! Так охота иногда затмить какого-нибудь Васю, – Он ткнул Васю в бок. – Никто ведь никогда не думал о выборе средств, вы понимаете? Но... «Не укради». В об-

щем, душа горит синим пламенем. И у кого закаляется, у кого рассыпается. Поэтому мне, пожалуйста, хлеб с водой, – обратился он к хозяину.

Гости не скучали, им нравилось, кто-то хлопал. Только Самад был заметно раздражён. Он встал из-за стола, вместе с ним девушка, похожая на десятиклассницу. Она, демонстрируя солидарность, тоже поджала губы.

– Уходит, – заметил Вася. – Ты ему а-противен.

– А помнишь, мы как-то собирались чайку попить? – окликнул Самада Ариф.

– Да, помню. Это – Эва, – представил Самад бледную девушку. – До свидания.

Как только Самад оказался на улице, он рывкнул своей подруге:

– Уезжай!

– Нет!

– Ты мне надоела!

– Пусть!

– Пошла вон!

От ненависти, исходившей от него, Эва остановилась, голос её дрогнул:

– Я люблю тебя.

– Пошла вон! – Он стремительно шёл по берегу чуть впереди неё, но вдруг замедлил шаг и остановился:

– Послушай! – он рассмеялся, как ребёнок. – Сколько сказано, сколько думано про любовь, любовь, любовь! Бред со-

бачий. Кто бы мог подумать! Хорошо, что у меня справка! – Эва старалась улыбнуться. Самад отпустил её руку, лёг, где стоял, и сказал в небо. – Дорогая! Я люблю тебя. Только пошла вон! Это называется равновесием. Я желаю тебе хорошо жить где-нибудь между «я люблю тебя» и «пошла вон», – он вздохнул и проямлил, засыпая, – могу дать пинка для рывка.

Эва зарылась в тёплый песок чуть поодаль. Была уже глубокая ночь, а она всё поглядывала на него, и показалось, что тёплое море у их ног исчезло, и больше нет города на берегу, и Самад спит один среди прытких ящериц на растрескавшейся земле... Она проснулась. Было утро. Дул ветер с моря. На берегу, кроме неё, не было ни души.

После лечения у знахаря, пользуясь именем и связями родителей, а также видимой скромностью и тихой речью, Самад завёл множество полезных знакомств. Круг его интересов был достаточно широк: от состоятельных студентов самых престижных вузов Москвы, Прибалтики, Кавказа до главных редакторов солидных изданий, министров, академиков... Он легко перемещался от разнокалиберных Домов творчества до Звёздного Городка, как правило, возбуждая любопытство к своей персоне, привлекая восточной томностью, вечной недосказанностью, редким самообладанием и таинственностью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.